

РЕВОЛЮЦИЯ – ЦЕНОЮ В ЖИЗНИ И ДЛИНОЮ В СУДЬБЫ (1917 – Н/В)

Аннотация. В статье производится попытка осмысления революционных событий 1917 года и оценивается их значение. Автор обращается к глубокому и последовательному анализу последствий революции 1917 года для государственного развития. На фоне рассмотрения событий в истории XX века отдельное внимание уделяется проблемам и тенденциям организации власти и государственного управления.

Ключевые слова: революция, советское государство, власть, государственное управление.

THE REVOLUTION ACROSS THE LIVES AND THE FATES (1917 – PRESENT TIME)

Abstract. The article is the attempt to understand the revolutionary events of 1917 and their estimated value. The author refers to a thorough and logical analysis of the impact of the 1917 revolution for national development. On the background of the events in the history of the 20th century special attention is paid to issues and trends in the organization of authority and state governance.

Keywords: the revolution, the Soviet state, authority, state governance.

Великая Российская революция, которую мы еще недавно именовали Великой Октябрьской, – без преувеличения и сомнения одно из самых главных событий XX века даже на фоне двух мировых войн. Величие революции не в ее форме, тому свидетельство – дискуссии о том, что случилось 25 октября (7 ноября) 1917 года – переворот или революция? Эти дискуссии небесспорны – советские учебники по истории хоть и упоминали А. Ф. Керенского с П. Н. Милюковым и Г. Е. Львовым, но большей частью рассказывали о свержении большевиками царского режима. Но царя не стало в феврале 1917 года, и власть уже с марта находилась в руках Временного правительства. Так получилось, что 25 октября большевики, скорее, подобрали власть, чем завоевали, оказавшись проворнее

и решительнее, чем политические силы, которые обладали более значительной поддержкой и в социуме, и в политическом поле. Судя по всему, большевики в большей степени оказались готовы к тому, чтобы взять власть. «Одна из вещей, которые дала нам биологическая эволюция, – это здравый смысл, а он требует от нас не идти наперекор фактам»¹. Все, что мы знаем о действиях большевиков в период революции, говорит о том, что они исходили исключительно из фактов, опираясь на здравый смысл. Своих оппонентов они превзошли и в верности восприятия фактов, о чем говорят и последующие после революции события.

Разумеется, то, что произошло в октябре 1917 года в России, было революцией – может быть, по форме это и было переворотом, но по последствиям это событие может называться исключительно революцией и, как показало время, – именно великой революцией. После 1991 года среди определенной категории исследователей стало «модно» говорить (скорее, конъюнктура обязывала), что советская власть была нерепформируемой системой, с ней ничего нельзя было сделать, кроме как ломать до основания. Но нерепформируемых систем не бывает хотя бы потому, что абсолютно все, что нас окружает, может быть подвержено переработке, тем более политические системы. Даже царскую власть можно было реформировать, несмотря на то, что задолго до схода со стапелей крейсера «Аврора» и броненосца «Потемкин» (1900) и больше чем за десятилетия до октябрьских событий 1917 года она почти окончательно ослепла и оглохла, сведя на нет практически все каналы связи с собственным народом. «В начале XX века, при жизни одного поколения, Россия пережила три революции, что само по себе говорит о небывалой остроте накопившихся противоречий. Самодержавная власть оказалась не в состоянии не только контролировать, но и даже вовремя осознавать процессы, происходящие в стране»².

Паоло Проди в своей фундаментальной работе «История справедливости» приводит фразу анонимного советника Флорентийской республики 31 июля 1431 года (почти за 200 лет до прихода к власти династии Романовых): «Государство – это Бог, и тот, кто управляет государством, управляет Богом. Также Бог есть справедливость, и тот, кто совершает справедливость, создает Бога»³, уточняя, что речь здесь идет не о трансцендентном (внешнем, недоступном познанию) и не имманентном (внутреннем, внутренне присущем) Боге, а о Боге как правосудии, как о том, кто вершит правосудие. Так вот, уже к последней четверти XIX – к началу XX веков царская власть перестала выполнять функции того Бога, который вершит правосудие. Ко времени российских революций

¹ Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо: Как изменяются человеческие ценности. М., 2017. С. 51.

² Квон Се-Ын. Преобразование общества и новая парадигма научного знания. М., 1996. С. 104.

³ Проди П. История справедливости: от популяризма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017. С. 13.

она чуть ли не в буквальном смысле слова не оставила вариантов оппонирующим ей политическим силам. Сначала события 9 января 1905 года (Кровавое воскресенье), а затем Первая мировая война почти полностью сняли с нее покров сакральности, придававшей ей ореол власти от Бога в глазах основной массы населения. Это – в духовном понимании, а в материальном или физическом смысле цифры, как обычно, красноречивее слов.

В 1913 году по объему промышленного производства Российская империя в 2,5 раза уступала Франции, в 4,6 раза – Англии, в 6 раз – Германии, в 14,3 раза – США. Производство на душу населения угля – 209 кг (в США – 5358 кг), чугуна – 30 кг (в США – 326), электроэнергии – 14 кВт.ч (в США – 176). Потребление хлопка на душу населения в России – 3,1 кг, в США – 145. В сельском хозяйстве дела обстояли не лучшим образом. Средняя урожайность хлеба в 1909–1913 годах составлял 45 пудов с десятины (в 2 раза ниже, чем во Франции, и в 3,4 раза ниже, чем в Германии); производство хлеба на душу населения в России – 26 пудов, в США – 48, в Канаде – 73; потребление минеральных удобрений – 6,9 кг на гектар посева, для сравнения: во Франции – 57,6, в Германии – 166, в Бельгии – до 236 кг на гектар⁴.

Национальный доход на душу населения по разным оценкам составлял в том же 1913 году от 101 до 114 рублей⁵ – то есть 2,9 раза ниже, чем в Германии, в 3,5 раза ниже, чем во Франции, в 4,3 раза ниже, чем в Англии, в 6,8 раза ниже, чем в США⁶.

Не радовали и показатели, относящиеся к качеству жизни населения. В 1906–1910 годах младенческая смертность на тысячу родившихся составляла 247, когда как во Франции в эти же годы этот показатель находился на уровне 128, в Германии – 174, в Англии – 117, в США – 121⁷. Средней продолжительностью жизни граждан и вовсе нельзя было похвастаться. В 1907–1910 годах у православного населения России для мужчин она составляла – 32 года, для женщин – 34 года. В то же время во Франции эти показатели соответствовали 47 и 50 лет, в Германии – 46 и 49, в Англии – 50 и 53 года, в США – 49 и 52⁸.

Разумеется, на рубеже XIX и XX веков Российская империя не стояла на месте, по скорости роста экономики она могла соревноваться со многими странами более развитого капитализма, иногда уступая им, а иногда и вырываясь вперед. Быстрый экономический рост был связан в особенности с развитием промышленности. По темпам роста обрабатывающей

⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М., 1948. С. 288.

⁵ Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. М., 1969. С. 68.

⁶ Лященко П. И. Указ. соч. С. 348.

⁷ La mortalité des enfants dans le monde et dans l'histoire. Ed. par P.-M. Boulanger et D. Tabutin. Linge. 1980. p. 147–149. Цитируется по: Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 13.

⁸ Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 13.

промышленности в начале прошлого века Россия среди западных стран уступала только США. Но для России более показательное сравнение с Японией, которая после «реставрации Мейдзи»⁹ (1871) находилась примерно на том же этапе исторического развития, что и Россия после отмены крепостного права. До конца XIX века Россия в промышленном развитии обгоняла Японию, но в начале прошлого столетия стала от нее отставать¹⁰.

Ускоренное промышленное развитие так и не привело к отрыву от западных стран. По одной из оценок, валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения в Российской империи составлял (в долларах США 1974–1975 гг.) в 1860 году 350 долларов, а в 1913 году – 600 долларов. Соответствующие показатели для США – 860 и 2500 долларов¹¹. Отставание достаточно ясно осознавалось в предреволюционной России – как критиками существовавшего режима, так и его сторонниками¹². «Россия, как и все другие культурные государства, сильно шагнула вперед в деле своего экономического и культурного развития, но ей придется еще много потратить усилий, чтобы догнать другие народы, далеко ушедшие от нас вперед»¹³. Необходимо отметить, что последняя цитата взята из книги *об экономическом росте* Российской империи. В то же время дело вовсе не в цифрах или в тех или иных показателях – преобладающее большинство населения о них и не подозревало, более того, из-за общей отсталости даже не видело связи между уровнем своего каждодневного существования и властью. В основном, люди жили так, как жили, и не к какому всеобщему счастью не стремились. И не народ подтолкнул страну к революции, она была, конечно же, невольна, но чуть ли ни спровоцирована сначала самим царским режимом, а затем и по инерции и неуклюжими и некомпетентными действиями Временного правительства. И она не была проектом в современном понимании этого слова, ни одной из политических сил, вовлеченных в процесс свержения старой власти, революция не воспринималась как проект. Нельзя назвать ее и неизбежностью, так как у действующей власти всегда значительно больше возможностей для ответов на любые вызовы, чем у каких бы то ни было претендентов на власть. Как показала и показывает практика, революции не совершаются исключительно по воле социальных или каких-либо иных закономерностей, даже если они были открыты Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и Владимиром Лениным, хотя их

⁹ Период пребывания микадо Муцухито на троне Японии. Термин «мэйдзи» означает «просвещенное правление».

¹⁰ Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 13.

¹¹ Sokoloff G. La puissance pauvre. Une histoire de la Russie de 1815 a nos jours. Paris, 1993, p. 787–790. Цитируется по: Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 13.

¹² Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 13.

¹³ Мигулин П.П. Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613–1913). М., 1913. С. 221–222.

влияние нельзя отрицать (мы говорим не об искусственно и извне спровоцированных революциях с придуманными причинами и навязанными целями). Власти нужно своевременно отвечать на вызовы, а не загонять проблемы вглубь, полагаясь на политические технологии или проводя псевдореформы вместо реальных.

Заслуга большевиков еще и в том, что они оказались готовы к самой власти, к тому, чтобы вершить власть. Более того, именно в том числе, благодаря их восприятию власти и решительным действиям, переворот стал революцией. «Власть снизу», то есть «власть Советов», набиравшая силу с февраля по октябрь, через различные децентрализованные институты, созданные как потенциальное «противостояние власти», в мгновение ока превратилась во «власть сверху», присвоив себе все возможные полномочия, используя и прибегая к насилию. Власть перешла от общества к государству, а в государстве к партии большевиков, монополизировавших исполнительную и законодательную власть»¹⁴. Конечно, большевики – преступники (ангелов среди них точно не было), но не потому, что взяли власть и мгновенно *стали властью*, сначала отодвинув от нее, потом задвинув в задний двор и лишив возможности даже говорить, а затем и вовсе убрав со своего пути все остальные политические силы (какие бы революционеры поступили бы по-другому?). Они преступники потому, что «раздувая пламя революции» во имя счастья народа бросали в ее топку людей, их судьбы и души по принципу «лес рубят, щепки летят». В их исполнении рубки леса объем щепок был почти сопоставим с самим лесом. «Все силы, блокировавшие движение истории на отечественных просторах, *получили свое*. Они *были уничтожены* после 1917 года. Формы уничтожения и последовательность событий варьировались»¹⁵. Ведь большевики были родом из Российской империи (как нынешняя Россия – родом из Советского Союза), где человеческая жизнь традиционно мало чего стоила, несмотря на то, что царь, как помазанник, воспринимал свою власть, как власть от Бога, непосредственно перед ним нес ответственность за своих подданных, как за «своих детей». Но им, в отличие от царя и деятелей Временного правительства, которое имело все шансы, чтобы удержать власть, было, как оказалось, что сказать и что предложить многонациональному народу огромной России. Даже счастье (не говоря уж о коммунизме и мировой революции), о котором народ не помышлял, и параметры или критерии которого сами большевики вряд ли себе в полной мере представляли, в их устах выглядело чем-то вполне осязаемым и реальным. Кстати, не народ добивался счастья, а большевики были убеждены, что он нуждается именно в счастье.

¹⁴ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 113.

¹⁵ Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М., 2014. С. 125.

Подобных парадоксов было много, и на данном противоречии мы не будем останавливаться, он интересен лишь тем, что большевики – ярые враги царизма в целом, – став властью, относились к народу немногим лучше, только не как к «детям», а как к средству, видимо, полагая, что ресурса в виде народа на их век хватит. Потому и их не останавливали масштабы жертв среди населения что во время гражданской войны, что в периоды коллективизации и индустриализации, что во вторую мировую войну. Но если судить по масштабам террора, развернутого в дореволюционный период Партией социалистов-революционеров (эсеров), открыто провозгласившей террор инструментом политики, то еще неизвестно, сколько бы эсеры пролили крови, если бы власть досталась им.

* * *

Величие революции еще и в том, что она в метафизическом смысле преобразовала самую большую по территории страну мира, поставив ее на совершенно другие рельсы и поменяв в ней практически все, – от жизненного уклада до менталитета, говоря без преувеличения, всех народов империи, поменяла ее вектор движения в абсолютно новом направлении, и внесла фундаментальные коррективы в суть развития практически всей человеческой цивилизации. Коррективы коснулись народов, наций и стран, в том числе и тех, где о российской революции мало кто слышал, но до которых докатились ее волны, флюиды, вызвав в них опосредованные, возможно, не немедленные и даже микроскопические, но потенциально реальные изменения. И успех революции не только в том, что она свергла одну власть и привела к правлению другую, а в *импульсах*, заданных ею масштабным преобразованиям, последовавшим непосредственно за Октябрем и далее в течение нескольких десятков лет. И если эти импульсы по миру прошли по-разному (где-то как цунами или землетрясение, где-то как наводнение или ураган, а где-то как рябь по воде), то на территории Российской империи, преобразованной в Советский Союз, они всколыхнули все – глубинные основы экономики и политики, саму суть и содержание общества, его химию, анатомию, историю, географию, взломали напрочь и переформатировали структуру социума со всеми внутренними связями и кровеносными сосудами, а самое главное, прошли по душам и сознанию практически всех без исключения людей.

Эти импульсы не были чем-то абстрактным. Их нельзя уподобить даже взрывной волне – та, независимо от своей мощи, проходит по местности лишь один раз. Революционные импульсы не проходили, а захватывали пространство и время, в буквальном смысле слова проникая, впитываясь в них, превращая их в источники силы для себя. Как они превратили в реальное средство трансформации огромной страны общинный характер русской деревни (который до революции лишь

мешал прогрессу в сельском хозяйстве, сковывая его развитие многочисленными изжившими себя традициями и обычаями), преобразовав его в коллективизм. Как они в малограмотной среде мракобесия, где царили различные предрассудки, негативные стереотипы и образы врага, добились толерантности в виде интернационализма – практически реального братства народов.

Воплощением тех импульсов были первые декреты Советской власти. Стоит лишь хронологически проследить время их появления в контексте тех революционных дней, сложно удержаться от удивления и восхищения как от своевременности и содержания декретов, так и от их лаконичности и доступности для понимания. Их можно было и не читать, названия содержали их суть, что было очень важно для малограмотной страны. Никаких рассусоливаний, объяснений, пояснений, заигрываний, даже никаких «инноваций с инвестициями». Да и не до них было. Жан-Жак Руссо говорил: «Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества». У большевиков не было времени ни на мудрость, ни на изучение пригодности законов, они действовали исходя из обстоятельств. «Декрет о мире» и «Декрет о земле» изданы на следующий день после победы Революции. Первый – о немедленном выходе из мировой войны, второй – о передаче земли крестьянам. И то, и другое означало, пусть не в прямом смысле, но свободу. И это большевиками было верно понято (или угадано), так как любые действия любой оппозиции основываются на отношениях «...между всегда тем или иным образом демонизируемым ликом власти и непрекращающимися попытками человека добиться свободы»¹⁶. Но при этом нельзя забывать (и большевики об этом не могли не догадываться), что «Революция всегда осознается восставшими как стремление к освобождению, к свободе. Но в громадной степени... это стремление к свободе – идеологическая иллюзия, самообман»¹⁷. Неслучайно Питирим Сорокин, анализируя русскую революцию, ввел в научный оборот особый закон под названием «социального иллюзионизма»¹⁸. Видимо, потому и вместо гармонии коллективизма с индивидуализмом у большевиков местами выходили технологии по управлению массами, а весь коллективизм испарился с первым же появлением экономических отношений, отдаленно напоминающих рыночные.

* * *

У большевиков, захвативших власть 7 ноября 1917 года, не могло быть абсолютной уверенности в том, что власть достанется именно им –

¹⁶ Проди П. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ Фурман Д. Революционные циклы России // Свободная мысль. 1994. № 1. С. 12.

¹⁸ Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 192.

претендентов, и не менее сильных, хватало. Многие их лидеры, в том числе главный из них – В.И. Ленин – включились в революцию уже в процессе. И вряд ли эти декреты, вкупе с Декретом об образовании Рабочего и Крестьянского правительства (8 ноября 1917 года), превратившие огромные массы рабочих и крестьян в союзников новой власти, могли быть результатом интуиции или случайного наития. Но они говорят о высочайшей теоретической подготовленности соратников Ленина. Об этом же свидетельствуют и последующие большевицкие декреты, которые были пронизаны здравым смыслом и прагматикой. Главной задачей было удержать власть, все остальное было производным от этой задачи. С точки зрения нынешнего понимания практически все те декларации выглядят популистскими. Может быть, но большевики так долго шли к власти, что тратить время на популизм было бы для них смерти подобно. На первых порах им, действительно, не удалось в полной мере осуществить и внедрить в жизнь все положения своих декретов. Но по основным позициям они выдержали экзамен, более того, и впоследствии каждое действие новой власти говорило о серьезности ее намерений.

Декретом об образовании Рабочего и Крестьянского правительства они зафиксировали свою власть; Декретом об организации Рабоче-крестьянской красной армии на добровольных началах заложили основы оборонных механизмов молодой Республики; Декретом о печати закрыли информационные источники врагов; Декретом о восьмичасовом рабочем дне превратили в своих союзников наиболее мобильный, молодой и пассионарный рабочий класс; а Декларацией прав народов России – практически весь многонациональный народ империи.

Сегодня трудно понять, откуда большевики черпали уверенность, но именно абсолютной уверенностью на грани одержимости пронизаны все их начинания. Они были уверены и в своей гибкости, которая наряду с жесткостью, зачастую переходящей в жестокость, делала большевицкую власть маневренной и проявлялась во всем: в бесконечных внутрипартийных дискуссиях, в отношениях с политическими оппонентами, потенциальными и реальными врагами. Это было *политическая гибкость беспринципной принципиальности* (строгой принципиальности большевики придерживались только в отношении собственных целей, во всем остальном было допустимо все), опирающаяся на четко сформулированную и поставленную цель, которой новая власть стремилась подчинить все и вся. И ради этого они использовали любые возможности. «Еще в 1794 году американское либертарианство было достаточно сильным, чтобы Александр Гамильтон счел необходимым защищать свою новорожденную страну от идеи о том, что «само государство станет бесполезным, и общество, освободившись от его уз, будет жить и процветать, а почти сто лет спустя Энгельс утверждал, что после коммунистической революции «вмешательство государственной власти в общественные отношения становится...

в одной области за другой излишним... Государство не “отменяется”, оно *отмирает*»¹⁹. Однако на практике ни американские политические элиты, ни коммунисты не отменяли государство. Коммунисты вообще с удовольствием поставили его себе на службу»²⁰. Во всевозможных декларациях большевики не отказывались от идеи постепенного отмирания государства, как инструмента насилия, на деле же они его всячески укрепляли, четко понимая, что ни одним другим инструментом в тех исторических условиях государство не заменить.

* * *

У большевиков по большому счету не было союзников (они и в них нуждались лишь для решения тактических задач), опереться было не на кого, их мало кто знал, более того, мало кто воспринимал как силу. Разгоном Учредительного собрания 6 января 1918 года, которое задолго до Революции многими политическими силами рассматривалось как альтернатива самодержавию, и созыв которого с февраля вовсе стал всеобщим требованием всех российских партий либерального и социалистического толка, большевики более чем громко и внятно заявили о своих намерениях по формам диалогов с оппонентами.

Они отдавали себе отчет и в том, что да, цель целью, она – одна, но задач для ее достижения множество, кроме того, для достижения той единственной цели нужно пройти через огромное количество промежуточных целей. Задним числом можно все объяснить объективными и субъективными причинами, сложившимися на то время обстоятельствами, предпосылками и закономерностями, и даже случайностями, но сила большевиков было в их уверенности и целеустремленности. Автор не ставит своей задачей широкий и глубокий анализ декретов и действий большевиков в первое послереволюционное время. Да и формат статьи, как жанра, этого не позволит. Но именно в тот короткий период был заложен фундамент, благодаря которому Советская власть продержалась больше 70 лет и до самого последнего дня казалась вечной и нерушимой.

* * *

В 1919 году Российская Коммунистическая Партия (большевиков) подвела первые итоги своего пребывания у власти и определила программные задачи на ближайшие десятилетия: «Октябрьская революция... в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата созидать основы коммунистического общества. ...рост революционного движения проле-

¹⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 292.

²⁰ Моррис И. Указ. соч. С. 223.

тариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т.е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, все это показало, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции»²¹. «Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неудачи ее или волны контрреволюции, – окончательная победа пролетариата неизбежна. Эта победа мировой пролетарской революции (курсив мой. – И.Г.) требует полного доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах»²². А в том, что мировая революция неизбежна, большевики были больше чем уверены. «В 1929 году лидер американских коммунистов Джей Лавстон (Jay Lovestone) передал Сталину печальное сообщение о том, что американский пролетариат совершенно не заинтересован в революции. Сталин в ярости сказал ему возвращаться в Америку и положить конец «ереси американской исключительности». Он говорил о ереси по отношению к марксистской догме»²³.

Для достижения своей главной цели – нет, не мировой революции, которая была лишь одной из промежуточных целей, а построения коммунизма во всем мире, – большевикам нужны были, в первую очередь, качественный народ и мощное государство. Поддержку народа необходимо поставить на первое место, так как без такой поддержки у большевиков шансов не было. Потому они и рассматривали народные массы своим главным ресурсом.

Несколько слов об этом ресурсе. Опять же по советским учебникам выходило, что главной социальной базой революции были рабочие. Это не случайно и абсолютно соответствует идеологии марксизма, которой придерживались большевики задолго до революции, с тех времен, когда они назывались социал-демократами, исходя из «Манифеста Коммунистической партии» (февраль 1848 года). Манифест гласил: «...буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, – современных рабочих, *пролетариев*»²⁴. В 1898 году в Манифесте РСДРП будущие большевики объявили как свою «главнейшую из ближайших задач партии... – завоевание политической свободы», так и том, как они собираются ее достичь: «Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их

²¹ Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков). Изд. «Коммунист», Москва, 1919 год. Цитируется по: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm>.

²² Там же.

²³ См.: Маттиа Феррарези (Mattia Ferraresi). Изъиди, Россия // Il Foglio, Италия. Цитируется по Иносми.ру (<http://inosmi.ru/politic/20170423/239199701.html>).

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Цитируется по: http://www.e-reading.club/bookreader.php/37535/Engel%27s%2C_Marks_-_Manifest_Kommunistischeskoi_partii.html.

определяется тем, что она сознательно хочет быть и остается классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом, и будет неуклонно соотноситься все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии»²⁵.

Рабочие, действительно, были ядром революции. Они, как и революционеры, были горожанами, соответственно, между собой им было легче найти общий язык, они были ближе друг к другу, чем к крестьянам (кстати, не в последнюю очередь благодаря этому обстоятельству, Октябрьскую революцию, впрочем, как и февральскую, можно назвать «революцией горожан»). Кроме того, рабочие (как и в наши дни) были более информированными и грамотными, чем сельские жители, – большевикам с ними было легче разговаривать и проще донести до них идеи революции. Преобладающее большинство рабочих были вчерашними крестьянами, а значит, являли собой необходимый революционерам канал связи с деревней, без поддержки которой никакая революция в России не могла состояться. Переворот – да, но революция – нет, по той простой причине, что Россия начала XX века была аграрной, следовательно, крестьянской страной, хотя и на стыке веков численность промышленных рабочих неуклонно и быстрыми темпами росла. В том же 1913 году городское население в России составляло 15 процентов²⁶, и это с учетом всех мещан, интеллигенции, военных, государственных служащих и т.д., в том числе и крестьян, выполняющих в городе функцию обслуживающего сегмента, но внутренне относящего себя к деревне.

* * *

Народу, как своему важнейшему союзнику и ресурсу, большевики придавали огромное значение. Если в декретах о мире и о земле при желании можно усматривать какие-то популистские начала, то Декрет о ликвидации безграмотности, который, как планировалось, должен был охватить все население, был целиком и полностью ориентирован на улучшение качества каждого отдельно взятого человека. Он был издан в 1919 году, то есть, как только молодая власть могла себе позволить такую роскошь, как образование, она тут же взялась за решение проблемы грамотности с твердой решимостью распространить ее на всю страну.

Удивляют не сами по себе декреты, практически каждый из которых являл собой закон международной важности, в том числе, с точки зрения беспрецедентности, а их строго логичная последовательность. И если бы не

²⁵ Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Цитируется по: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1898pr.htm>.

²⁶ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 26, 88. Цитируется по: Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 84.

эта последовательность, то внутреннюю и внешнюю политику можно было называть реакцией на появляющиеся вызовы. С учетом того, что вызовы (один глубиннее другого) появлялись перманентно, а последние восстания против молодой советской власти были подавлены лишь в середине 1930-х годов, несложно представить, с каким сильным сопротивлением она сталкивалась на каждом шагу не только внутри страны, но и на международной арене. Тот же Декрет о мире предлагал всем воюющим странам начать переговоры о справедливом и демократическом мире без аннексий и контрибуций и предполагал отмену тайной дипломатии, включая секретные договоры между странами. Естественно, все союзники России отказались рассматривать эти предложения. Понятно, что большевики, мягко говоря, лукавили. В отношении воюющих стран эти предложения носили исключительно тактический характер (о каком мире можно говорить с государствами – объектами цели мировой революции). В то же время Декрет о мире больше адресовался не странам, а народам этих стран. Он был ратифицирован II Всероссийским съездом Советов через два часа после ареста членов Временного правительства²⁷, что весьма симптоматично и говорит о том, что большевики с самого начала (судя по всему, задолго до октября 1917 года) знали, куда и зачем идут, и как долго собираются править.

Точно так же, но народам России, была адресована Декларация прав народов, обещающая им равенство и суверенитет, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмену национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений и свободное развитие.

Кстати, Декларация, – это не популистские слова Б. Н. Ельцина «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», не сказанные, а брошенные им 6 августа 1990 года, которые тут же были подхвачены и растиражированы прессой и частью тогдашнего политического истеблишмента, более того, стали в определенной мере причиной практически немедленного, а значит, не продуманного и не подготовленного начала «парада суверенитетов». Мало кто обратил внимание на следующую, уже реалистическую, фразу, которая опровергла сказанное: «Но вы находитесь в центре России – и об этом нужно подумать»²⁸. Если две эти фразы объединить, то в них просматривается неуверенность их автора, не только не готового к решению одного из важнейших вопросов внутренней политики как Российской империи и Советского Союза, так и новой России, но и к основательному разговору о нем.

Декларация прав народов России стала поводом для начала серьезной дискуссии на высоком государственном, национальном и гражданском

²⁷ Первые декреты Советской власти // www.grandars.ru/shkola/istoriya-rossii/dekrety-sovetskoy-vlasti.html. Цитируется по: <http://www.grandars.ru/shkola/istoriya-rossii/dekrety-sovetskoy-vlasti.html>.

²⁸ Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить // [Обещания.ру](http://www.obeschania.ru/documents/promises/berite-stolko-suvereniteta-skolko-smozhete-proglotit). Цитируется по: <http://www.obeschania.ru/documents/promises/berite-stolko-suvereniteta-skolko-smozhete-proglotit>.

уровне, хотя большая часть ее положений оказалась опять же тактическим лукавством. Большевиков можно было понять: они завоевали власть, получили в свои руки страну, а она разваливалась и расплзалась. Есть такая особенность окраин любых империй, независимо от того, как их назвать – «мягким подбрюшьем»²⁹ или тем, чем они на самом деле являются – составной частью страны: все окраины для их жителей – Родина, империей они могут гордиться, если она того стоит, а любят как Родину свой дом и свои поля, почитают, в первую очередь, свои кладбище и своих святых. Кстати, точно так же, как и так называемые имперские нации (которые, при определенных обстоятельствах склонны строго отделять себя от любых окраин). И если этого не понимать, в том числе, на самом высоком уровне, то нужно иметь в виду, что у народов окраин может образоваться обыкновение при первой же возможности отвернуться³⁰. Большевики это осознали довольно быстро, не находя союзников среди тех народов, которые, поступив в строгом соответствии с их же с Декларацией, создали независимые государства. И передумали, быстро вернув их под старую крышу той же империи с новым фасадом – все те народы империи как-то практически разом захотели установить у себя Советскую власть (правда, для этого приходилось в их территории вводить Красную армию, но это уже, так сказать, детали).

* * *

Надо отметить, что большевики в некоторых своих действиях, например, в отношении положений Декларации прав народов России пытались быть последовательными, но не всегда до конца. Подобные порывы проявлялись то в виде острого желания перевести всю страну на латинскую графику, то в политике так называемой коренизации (и это не было игрой). Но эти порывы требовали слишком серьезного напряжения со стороны власти не столько в материальном, сколько в политическом и духовном смысле – данную политику нужно было объяснять, а большевики не были большими мастерами входить в диалог с населением. Их коньком была пропаганда, но она в данной ситуации не очень годилась – нужно было еще и отвечать на вопросы. Хотя вся подоплека и для перехода на латиницу и к политике коренизации была неплохо подготовлена. В начале 1920-х годов В. И. Ленин говорил и о латинизации русского шрифта,

²⁹ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию // Среднерусский вестник общественных наук. № 1. 2009.

³⁰ Конец истории Советского союза – яркая иллюстрация всему этому. Вряд ли народы бывших республик той великой и в основном успешной страны испытывают благодарность по отношению к ней. Не потому что они такие плохие, забывчивые и неблагодарные, и не помнят добра. Все они помнят, просто память человека так устроена, что негативное в ней держится лучше и дольше, чем позитивное. А причины всего хорошего, что происходит с ним, человек чаще всего находит в себе. И это справедливо не только для жителей имперских окраин, а для всех представителей человечества.

считая процесс перевода письменности народов СССР на латинскую графику частью «культурной революции», но предостерегал от поспешных действий в данном вопросе.

В ноябре 1929 года (видимо, время пришло) начала работу подкомиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита под председательством профессора Н. Ф. Яковлева, который так обосновывал проблему: «Русский алфавит представляет собой безусловный анахронизм – род графического барьера, разобщающего наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс пролетариата Запада»³¹. В задачу подкомиссии входила, главным образом, разработка принципиальной стороны вопроса о латинизации. К выработке окончательного проекта латинского алфавита для русского письма она не приступала, но ею были сформулированы принципы построения такого алфавита и разработаны предварительные проекты, которые могли бы служить материалом для общественного обсуждения³². За проблему большевики взялись основательно (ведь речь все еще шла о мировой революции), и уже к концу 1930-х годов большинство языков народов СССР были переведены на латинскую основу³³.

Правда, точно с таким же рвением ко второй половине 1940 годов (при активном участии все того же Н. Ф. Яковлева), когда идея мировой революции в некотором роде потеряла свою актуальность, эти алфавиты были переведены на кириллицу.

Что касается политики «коренизации» (1920–1930-е годы), то она была направлена на исправление царского курса на русификацию. Сразу же после принятия Конституции СССР 1924 года перед советскими этнографами была поставлена задача определения категории «национальность». По мысли большевиков, с юридического оформления Советского Союза Конституцией должен был начаться и процесс строительства социалистических наций. Как бы там ни было, что латинизация алфавитов

³¹ Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 36.

³² Материалы по вопросу о латинизации русской письменности. Источник: Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 36. Цитируется по: <http://tapemark.narod.ru/rus-latinica-1930.html>.

³³ Итогом латинизации стал перевод на новый алфавит следующих языков: абазинского, абхазского, аварского, адыгейского, азербайджанского, алтайского, ассирийского, башкирского, белуджского, бурятского, вепского, даргинского, дунганского, ижорского, ингушского, ительменского, кабардино-черкесского, казахского, калмыцкого, каракалпацкого, карачаево-балкарского, карельского, кетского, киргизского, китайского, коми, корякского, крымскотатарского, кумандинского, кумыкского, курдского, лазского, лакского, лезгинского, мансийского, молдавского, нанайского, ненецкого, нивхского, ногайского, осетинского, персидского, саамского, селькупского, табасаранского, таджикского, талышского, татарского, татского, туркменского, удэгейского, удинского, уйгурского, узбекского, хакасского, хантыйского, цахурского, чеченского, чукотского, шорского, шугнанского, эвенкийского, эвенского, эскимосского. Всего в период с 1923 по 1939 годы на латиницу было переведено более 50 языков (всего в 1939 году в СССР письменность имели 72 народа). Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–1997 // Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997. С. 56.

(а затем и их перевод на кириллицу), что политика коренизации служили одной цели: закладыванию фундамента реального интернационализма путем создания так называемого плавильного тигля (разумеется, на базе русского народа, русского языка и русской культуры), в котором должен был явиться, как говорили древние римляне, «городу и миру» советская нация, как основа (естественно, после свершения мировой революции) великой мировой нации³⁴.

Опять же забегая вперед, скажем, что именно национальная политика оказалась своего рода «ахиллесовой пятой» Советской власти. Нет, конечно, не межнациональные проблемы послужили главной причиной ее развала, они лишь оказались одним из рычагов, посредством которого были приведены в действие деструктивные начала для внутренней политики Советской власти, которая, кстати, так до конца и не поняла, что в национальной политике нельзя впадать в крайности, полагаться лишь на административную мощь, а в едином государстве равных народов недопустимо опираться на какие-либо отдельные этносы³⁵, делая их, как это звучало во второй половине 1980-х годов повсюду в национальных республиках, «равнее других». Впрочем, это – свойство всех «негражданских обществ» (Стивен Коткин)³⁶, когда вместо решения наболевших проблем запускаются механизмы всевозможных технологий, построенных, например, на принципе «разделяй и властвуй».

* * *

Такие же и подобного рода тактические задачи решали и другие декреты. Но они, как готовые взрасти семена, попадали в нужную почву и практически каждый раз во время. Например, Декрет о земле, основывавшейся на эсеровской программе, выработанной на основе 242 крестьянских местных наказов, провозглашал национализацию и разрешал аренду земли, исключал применение наемного труда и, вводя уравнительное землепользование, отменял частную собственность на землю, передавал помещичью собственность в распоряжение местных крестьянских комитетов. При тех исторических условиях этот декрет решал практически все задачи, накопившиеся у власти по отношению к самому многочисленному классу Российской империи – к крестьянам. Но при этом почти все решения Декрета были тактическими, то есть носили подготовительный характер и являлись частью огромной стратегической задачи. И снова забегая вперед, скажем, что именно по этой причине из всех проектов

³⁴ Политика «коренизации» и межнациональные отношения в период создания СССР. Нацстроительство и проведение границ союзных республик // Пятифан. Цитируется по: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=75915>.

³⁵ Там же.

³⁶ Распад СССР и современная Россия: исторические параллели. Интервью Стивена Коткина // Гуманитарные технологии. Цитируется по: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2009/1944>.

реформы сельского хозяйства предпочтительной оказалась коллективизация, а всевозможные идеи о введении в строительство аграрного сектора рыночных отношений с позиции главной цели большевиков были (как и были признаны) абсолютно ошибочными.

Некоторые декреты носили, скажем так, очистительный характер (например, декреты о печати; об уничтожении сословий и гражданских чинов; о свободе совести, церковных и религиозных обществах; о всевозможных национализациях и так далее), позволяя большевикам убирать со своей дороги все лишнее, все мешающее, все, что было и могло стать барьером при достижении тех или иных задач. Некоторые – были направлены на создание определенного рода инструментария для различных целей (например, декреты об образовании Высшего Совета народного хозяйства; о демократизации армии; о гражданском браке, о детях и введении книг-актов состояния; о создании народных судов и революционных трибуналов; Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК); положение о рабочем контроле и др.). Но решения молодой советской власти объединяло одно: все они служили исключительно тактике. С учетом того, что любая тактика, это гибкость, удивительно, что власть, которая строилась на догмах, проявляла паразитическую маневренность, когда создавала собственный фундамент.

* * *

При тех темпах, которыми создавалось новое государство, революционность решений большевицкой власти была вызвана исторической необходимостью. Вопрос для нее стоял конкретный: жизнь или смерть. С точки зрения сегодняшней реальности достижения большевиков по строительству государства кажутся невыполнимыми. На эволюцию не было ни времени, ни возможности, ни ресурсов. Старые порядки и устои вырывались с корнем, как скалы из горы. Каждое их решение было революцией в той или иной сфере жизни страны, а практически все делалось «скачками». Та же ликвидация безграмотности могла бы быть делом многих десятилетий, ведь ликвидировать практически повальную безграмотность нужно было в условиях гражданской войны, нищеты и разрухи, и у людей, большинство которых были очень и очень далеки от мыслей о грамотности. Но уже по переписи населения 1939 года 90 процентов населения Советского Союза возрастной категории от 16 до 50 лет были грамотными. При этом практически каждый раз, когда большевики попадали не в ту точку, в которую хотели, они повторяли свои попытки в другой форме и другом качестве, – они были свободны в своих действиях в запредельном смысле слова³⁷, когда, как и было завещано, шли на «самый решительный

³⁷ Кстати, свобода, как внутреннее состояние, в самых разных формах и качестве (в том числе, и в самых крайних) овладевала многими сегментами общества. Фраза из советской азбуки (!) «До-

разрыв с унаследованными и от прошлого отношениями собственности», порывая «с идеями, унаследованными от прошлого»³⁸.

Новая власть ничего не жалела и никого не щадила, ни человеческие жизни, ни моральные или материальные ценности (хотя именно она в 1918 году ввела запрет на вывоз предметов, имеющих особое историческое и художественное значение) для нее почти никакого значения не имели. Будучи «своими» для большей части населения, большевики действовали как «чужаки», но имели цель. И эта цель, с одной стороны, их оправдывала в собственных глазах (в другом мнении они не нуждались), с другой, – придавала им силы. Судя по их действиям в годы Революции, страна Россия и ее народ были для них только средством и ничем больше.

В послереволюционные годы им не нужен был «образ врага», чтобы расправляться со своими противниками, хотя к созданию такового они тоже прибегали – масштабы открытого террора («красный террор») были настолько серьезными, что их нельзя было не объяснять народу. А объяснялись они просто и в доступных категориях вроде «мы добро, а они – зло». Ведь революция не только сама по себе – насилие, она еще и распространяет дух насилия практически на всю историческую атмосферу, превращая его, пусть и на какое-то определенное время, в норму. А когда насилие становится нормой для существенной части общества, то и реакция на него притупляется – достаточно простых слов в виде, например, определенного рода ярлыков, чтобы оно принималось без особых рефлексий. Термином «враг народа» большевики «вооружились» еще в канун Революции – в 1917–1918 годах этим словосочетанием, имеющим древние и в определенном смысле «родственные» корни³⁹, они обозначали всех, кто выступал против революции. Позднее, в 1930 годы, термин «враг народа» использовался для обоснования и оправдания репрессий и как средство (в значительной мере) для создания «образа врага», что определенной (и немалой) долей населения воспринималось как часть общего плана. А Конституцией СССР 1936 года этот термин и вовсе был легитимирован (ст. 131)⁴⁰.

лой неграмотность: Букварь для взрослых» (1919) «Мы не рабы, рабы не мы» (или «немы»), сочетавшая в себе и лозунг-идеологему, и палиндром с возможностью прочтения разными способами, и элементы футуризма, красноречиво говорит о внутренней раскованности людей, создававших подобные учебники.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии...

³⁹ Древние корни, так как «враг народа» – понятие римского права: в 68 году н.э. Римским сенатом был объявлен врагом народа сам Нерон; и родственные, потому что этот термин широко применялся в период Французской революции (1789–1799) для обоснования массового террора.

⁴⁰ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации (http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676).

* * *

Судить о событиях прошлого с использованием сослагательного наклонения – дело, по большому счету, пустое, но если представить себе, что большевики решили бы пойти эволюционным путем при строительстве своей власти, договариваясь с оппонентами, взвешивая и соотнося свои шаги с желаниями и потребностями других политических сил и движений, оглядываясь, скажем так, на общественное мнение (и это в условиях, в первую очередь, мировой войны, в которой ко времени революции Россия погрязла по уши, и абсолютно не готовой к любым революционным экспериментам страны, – а власть к революции никогда не готова – плюс к тому мощного сопротивления несметного числа недоброжелателей и в абсолютном цейтноте), их судьба была бы далеко не завидной.

В 1941 году, когда фашистская Германия напала на СССР, Советской власти было всего 24 года, больший период которых пришелся на братоубийственную гражданскую войну, борьбу с интервентами, внутренними и внешними врагами, огромным количеством социальных и политических проблем, банальными нищетой, голодом, беспризорностью и многим другим. Сегодня задним числом действия Советской власти в канун войны и первые ее периоды можно как угодно критиковать, подвергать ревизии, выворачивая наизнанку и выявляя их недостатки, а тех или иных деятелей и вовсе обвинять во всем, в чем можно и в чем нельзя, но об этих 24 годах обязательно нужно помнить.

* * *

Если человеку дано видеть только что-то одно, будь это великолепный пейзаж, солнечный свет, лазурная морская гладь, то он слепой. Если человек способен испытать только один вкус, почувствовать один аромат, пусть они самые приятные и лучшие, то он не сможет составить представление об окружающем мире. То же самое со знаниями человека, которые должны охватывать все сферы жизни. Любая догма, будь она хоть истиной в абсолютной степени, лишает своих адептов возможности развития в полном смысле слова. Конечно, есть развитие и внутри догмы, но оно всегда конечно, когда как знания бесконечны. Судьба сыграла с большевиками злую шутку. Взятая ими на вооружение в качестве инструмента диктатура как форма правления (которую они, лицемеря как с самими собой, так и с рабочим классом, называли диктатурой пролетариата – «завоевание пролетариатом такой политической власти» должна была «позволить ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»⁴¹) вкупе с марксистско-ленинскими догмами, определенными на роль единственно верных знаний, сначала своей тенью,

⁴¹ Программа Российской социал-демократической рабочей Партии (1903). Цитируется по: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1898pr.htm>.

а затем и все более густеющей тьмой накрывали страну, пронизывая любые мало-мальски стоящие идеи, мысли, а особенно, их источники, угрожая им уничтожением до такой степени, что иногда самой власти приходилось по мере возможности и необходимости взять их под свою защиту (яркий пример, знаменитые «шарашки», где ученые трудились в несвободе, но в безопасности). Думается, в данном вопросе в какой-то конкретный момент большевики просто перешли определенную черту, забыв или упустив из виду, что во всех случаях для власти и государства первичен закон, сила которого в том, как говорил Аристотель, что он – есть разум, свободный от страсти. Они же превратили закон в «служанку» своих идей, средство осуществления диктатуры, когда как диктатура может быть лишь инструментом закона, что в итоге привело сначала к узаконенной узурпации власти (авторитаризм при формальной коллегиальности), а затем – узаконенному произволу (как это не странно звучит, но это – произвол на основе закона). Со временем «шоры» идеологии, как право на истину, были надеты и на саму власть, окончательно уверовавшую в собственную непогрешимость. А тьма диктатуры, все больше превращаясь в непроницаемый барьер между Советским Союзом и остальными странами, практически закрывал доступ к знаниям, даже не противоречившим официальным догмам, но и хоть чем-то отличавшимся от них⁴².

* * *

Проблема была, как обычно, в человеческом факторе. Если до середины 1920-х годов в партии большевиков, возможно, по инерции, царило свободомыслие, выражавшееся в инициативности, публичности и коллегиальности принятия решений (пусть даже не без определенного рода интриг), плюрализме мнений, внутривнутрипартийных дискуссиях, и даже в либерализме (насколько он был возможен в тех условиях), то уже «...во время похорон Ленина в 1924 году советские пропагандисты приступили к насаждению культа личности, надеясь решить проблему, вставшую *из-за нежелания политической иерархии отмирать* (курсив мой. – И.Г.), при помощи идеи о том, что благодаря мудрости вождей коммунистической

⁴² В романе Джека Лондона «Мартин Иден» упоминается философ-позитивист Герберт Спенсер, идеями которого загорается главный герой. Так как этот роман был одним из моих любимых (и, соответственно, был несколько раз мною перечитан), то еще в школьные годы у меня возникло желание узнать, чем же Идена привлекал этот Спенсер. Но мало того что ни одной работы Г. Спенсера не было в библиотеках полуторамиллионного города, но даже работники библиотек (а советские библиотекари были людьми достаточно квалифицированными) не знали, кто он такой. И сейчас, когда мне попадают великолепные, насыщенные знаниями, написанные с высочайшим уровнем компетентности (датируемые двадцатыми, тридцатыми, военными и послевоенными годами вплоть до нынешних) тексты западных, восточных, северных или южных авторов, становится обидно за себя и за свое поколение за то, что у нас в свое время не было к ним доступа, и что отечественная, по крайней мере, гуманитарная наука в течение такого долгого времени, как говорится, варилась в собственном соку, занимаясь, по существу, «сизифовым трудом», с одной стороны, и изобретением велосипеда, – с другой.

партии они являются воплощением *общей воли*» (курсив мой. – И.Г.)⁴³. Именно названная иерархия, исключая любую форму демократии внутри власти, стала началом отказа от всего, что делало большевицкую власть внутренне свободной (в чем, в принципе, сила любой власти). По сути своей, большевики, конечно, были марксисты, но не в меньшей мере они проявляли себя руссоистами. В экономических вопросах они придерживались марксистских взглядов, в политических, особенно, в общественно-политических – руссоистских. Но в данном вопросе они, пренебрегли заветами Жан-Жака Руссо о том, что «Часто существует немалое различие между волею всех и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая – интересы частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля»⁴⁴. И впоследствии руководители Коммунистической партии до ее самого последнего дня пытались подменять государственной волей и волю всех, и общую волю, отодвинув человека, ради блага которого изначально все затевалось, от государственного управления.

Если до определенного времени коммунистические догмы были средством, конкретного рода инструментом удержания возможного своеволия и внутривластной анархии в пределах свободы, как осознанной необходимости, то через какое-то короткое время после смерти В. И. Ленина эти же догмы стали постепенно превращаться в инструмент прикрытия – в некую ширму для власти, которой она закрывалась сначала от народа и общества, а затем и от себя. «Антилибералы, создавая наиболее ярко выраженную политическую иерархию из всех возможных и добившись сосредоточения всей власти в руках одного человека, утверждали, что на самом деле искореняют политическую иерархию»⁴⁵.

Вот почему событиями, характеризующими тот исторический период, могут быть не новая экономическая политика (НЭП) с существенными элементами либерализма, а коллективизация и индустриализация в той форме и с теми способами и методами (приведшими не только к физическим и материальным жертвам и потерям, но и ошибкам, сыгравшим в последующем развале Советского Союза не последнюю роль), которыми они проводились. А проводились они железной рукой и негибкой и жестокой волей, вызванными жесткой и глубокой логикой эпохи, допускающей всякие отступления от человеческих ценностей от гуманизма до демократии и прав человека. Власть не брезговала ни уловками и ни хитростями, в буквальном смысле слова «затягивая» крестьян в колхозы:

⁴³ Моррис И. Указ. соч. С. 223.

⁴⁴ Руссо Ж-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Об общественном договоре. М., 2000.

⁴⁵ Моррис И. Указ. соч. С. 223.

лишала их тягловой силы, изымая скот и провоцируя его массовый забой, загоняла в полную зависимость от машинно-тракторных станций, вводила многочисленные налоги и обязательные государственные поставки, одновременно ужесточая хозяйственное и уголовное законодательство (чего стоит только варварский закон «Об охране социалистической собственности» (1932), который ввел в качестве меры судебной ответственности за хищение колхозного и кооперативного имущества, в том числе, расстрел с конфискацией имущества). Образно говоря, деревня была поставлена на колени. В конце 1932 года в результате изъятия чуть ли не всего зерна начался голод. Его масштабы имели чудовищные последствия. Охвативший основные зернопроизводящие районы, голод унес жизни по разным оценкам 10–15 млн. человек⁴⁶. Но коллективизация, как основная задача по обеспечению страны продовольствием, состоялась. Благодаря этому, власть распространила собственную монополию на деревню, которая в случае введения в ней товарно-денежных, то есть, рыночных отношений (как предлагали так называемые правые уклонисты (Н. И. Бухарин, А. Н. Рыков, М. П. Томский), могла бы обрести абсолютно нежелательную для власти свободу.

В условиях практически полной разрухи основной задачей, стоявшей перед экономикой, было превращение аграрной страны в индустриальную державу, которая могла бы обеспечить ее экономическую независимость и обороноспособность, то есть индустриализация. В дискуссии о формах реализации этого масштабного проекта победили сторонники плано-директивного и быстрых темпов развития тяжелой промышленности, в пользу которой планировалось перераспределить средства из других сфер народного хозяйства, в том числе из аграрного сектора, легкой и пищевой промышленности. Государственный сектор хозяйства признавался основой социалистической экономики. Плановое управление народным хозяйством, новые взаимоотношения между городом и деревней, сокращение непроизводительного потребления давали надежду на быстрые положительные результаты. При отсутствии средств на проведение индустриализации правительство пошло на непопулярные меры, начав разграбление деревни, изъятие личных средств у населения (займы, принудительная реализация облигаций), увеличились производство и продажа спиртных напитков, экспорт природных ресурсов, выпуск денежной массы, не подтвержденной золотым резервом и товарами. Результат оказался более чем очевидным: в конце 1930-х годов СССР по объему промышленного производства вышел на второе место в мире после США⁴⁷.

⁴⁶ Коллективизация сельского хозяйства // История России кратко. Цитируется по: <http://historynotes.ru/kollektivizatsiya-selskogo-khozyaystva>.

⁴⁷ Промышленный переворот // История России кратко. Цитируется по: <http://historynotes.ru/industrializatsiya-strany>.

Отвлекаясь от последующих событий вроде Второй мировой и Великой отечественной войн (нельзя требовать от Советской власти способности предвидения, тем более задним числом), нужно сказать, что необходимость жесткости во внутренней политике была задана объективно и требованием времени. Кроме того, успехи политики коллективизации и индустриализации стали новыми импульсами, приумножившими силу и задавшими ускорение Советской власти. Другое дело, что этой жесткости можно было (может быть, прилагая значительно больше усилий на самообразование власти и на ее интеллектуальную самобытность и состоятельность) добиться и при внутривластном плюрализме и демократии, свойственной начальному периоду правления большевиков власти, избегая преобладания той самой политической иерархии.

Еще одно. На мой взгляд, Советская власть так и не расплатилась с деревней и крестьянством до самого своего конца. Именно они были главным источником ее ресурсов (человеческих, кстати, в том числе кадровых, материальных, моральных, культурных и многих других), и так ничего по большому счету не получили, кроме разорения, а местами – и уничтожения. Нельзя относиться к сельскому хозяйству, как к дотационной отрасли, точно так же, как, например, к добыче топлива или очистке воды. Любые государственные траты в него – вложения, а не дотации, такие же, как вложения в медицину и образование. Потому что все перечисленное и многое из подобного относятся не только к вопросу необходимости, но и в значительной степени – к национальной безопасности. Это бизнес может позволить себе при своих действиях исходить из соображений прибыли, государство же имеет право действовать только во имя национальных интересов.

* * *

Но что получилось, то получилось – сосредоточение власти в одних руках привело к авторитаризму и тоталитаризму (дело тут не в личности И. В. Сталина, эти руки могли быть чьими угодно, конечный результат любой полярности мог бы быть другим в зависимости от принадлежности рук – суть бы от этого не изменилась), а главное, в итоге стало причиной того оруэлловского «двомыслия»⁴⁸, которое сначала встало непроницаемой стеной между властью и обществом, а затем и вовсе превратилось в глубокий и широкий ров, отделяющий их.

Советскую власть можно обвинять и критиковать в чем угодно. Но в одном, с какой бы точки зрения мы не подходили (естественно, исключая и отбрасывая спекулятивные моменты и говоря только об объективном подходе), ей отказать невозможно: для нее в лице советских руководите-

⁴⁸ Оруэлл Дж. 1984. М.: 2013.

лей на первом месте стояли государственные интересы. Как понимались эти интересы – вопрос второй. Они исходили из понятной им логики, которая включала и то обстоятельство, что, декларируя как цель мировую революцию, Советская власть противопоставляла себя мощнейшей экономической и политической силе – международному капитализму, объединенному общими интересами и являющему собой транснациональную и планетарную корпорацию. Но это только с одной стороны. С другой стороны, эта корпорация ущербна: она по объективным причинам во все времена своего существования раздираема внутренними противоречиями в виде частных интересов, которые не всегда подчиняются общим интересам. А импульсы, заданные Революцией, были настолько мощны и способны сплотить самые разные силы, что и мировому капитализму приходилось идти на уступки во избежание потерь из-за выше обозначенной ущербности. Неслучайно, что в самые тяжелые для Советского Союза времена его ни разу не удалось изолировать ни политически, ни экономически на какое-то продолжительное время.

Эти же импульсы, раз за разом преодолевая сопротивление самого разного рода обстоятельств, говоря без преувеличения, одерживая над ними победу за победой (гражданская война, сплочение народов России, ликвидация безграмотности, решение национального вопроса, коллективизация, индустриализация и др.), провоцировали возникновение все новых и не менее сильных импульсов. Вряд ли кто-то в мире верил в то, что Советский Союз выстоит перед фашизмом, а в то, что победит ее, и мыслей мало кто допускал. Но еще не совсем состоявшийся советский народ не только победил Гитлера, располагающего доступом практически ко всем богатствам Европейского континента, он одержал победу и над самим собой, невозможным образом за кратчайшие сроки восстановив собственную страну после изнурительно-разрушительной войны. Речь здесь не о том, как это было сделано, главное – Победа стала еще одним импульсом Революции. Да, именно Революции, потому что все те годы она продолжалась, именно ее эйфорией были пропитаны и пронизаны мысли и действия советских людей.

В истории Великой отечественной войны важную роль сыграл вызывающий сегодня множество споров Приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года (известный под названием «Ни шагу назад»), с которым связано, в том числе, появление заградотрядов, направленный на установление в армии железного порядка и, самое главное, на *организацию планированного и продуманного отступления*, и который имеет весьма символическое значение для характеристики Советской власти. Только так, руководствуясь жесткой и жестокой прагматикой, она действовала с первых своих дней.

После победы в Великой отечественной войне до запуска космического спутника прошло всего 12 лет. Этот относительно недолгий период до

предела был сжат множеством масштабных событий от восстановления страны и народного хозяйства, создания атомной бомбы до перестройки власти. Именно к тому периоду произошли существенные изменения в уровне и качестве жизни советского народа. После войны Советская власть не стала посылать голову пеплом, ссылаясь на состояние разрушенной гитлеровцами страны, а сумела мобилизовать людей на ее восстановление. Отмена продовольственных карточек в 1947 году – не простое экономическое достижение, в тех условиях это событие было символом того, что Революция жива, она так же способна вести за собой, и что Советская власть по-прежнему внутренне состоятельна.

Методы и способы новых достижений были революционными – какая разница, на что власть ссылается, нарушая права граждан: на то, что кругом враги, на законы военного времени или на послевоенную разруху. Но как бы то ни было, благосостояние советских людей, которое еще до войны начинало меняться к лучшему, вновь обрело тенденцию к росту. Масштабные восстановительные работы вкупе с амбициозными целями – страна же была победительницей – стали новым импульсом развития страны. Надо учесть, что и ее положение в мировом «иерархическом» порядке изменилось, она стала одной из самых авторитетных держав – с Советским Союзом, внесшим огромный вклад в разгром фашизма и понесшим немислимые потери, нельзя было не считаться.

За короткое время государству удалось достичь довоенных темпов роста экономики. При этом одно влекло за собой другое: качественное образование и грамотность были востребованы развитием экономики, промышленность нуждалась в высококлассных специалистах, сложные станки – в квалифицированных рабочих, достижения в сельском хозяйстве были невозможны без внедрения новых технологий. Эйфория в самом лучшем смысле слова была такая, что время не успевало за страной, которая действовала как команда, объединенная общей идеей движения вперед и общей целью прогресса. Разумеется, коммунизм – это утопия, но она утопия с точки зрения современной исторической реальности. Хотя многим это было понятно и в 20-е, 30-е, 40-е и 50-е годы прошлого века, но что до войны, в годы масштабного развития промышленности, что после – когда народ рука об руку с властью в едином порыве восстанавливал страну (здесь нет лукавства, судя, в том числе, по мемуарной литературе, даже ярые враги Советской власти в те годы симпатизировали ее действиям), для большей части населения внутренне коммунизм как цель находился на втором плане на фоне регулярных достижений. К тому же благосостояние населения улучшалось не только на бумаге и по статистике – повышение уровня жизни людей ощущалось непосредственно ими самими. Этого было достаточно, чтобы приводить в движение любые рычаги по управлению массами – лучшей мотивации не бывает. Росло и качество народа – полуграмотная страна становилась одним из

центров мировой науки. Именно в этот период была достигнута вершина достижений Советской власти.

Но, к сожалению, это была та вершина, за которой следует движение вниз. Причина тому была простая: Советское государство, если его уподобить живому организму, росло неравномерно. Политика в нем не успевала за экономикой. Сначала ради упрощения управления государством Советская власть занялась масштабными и бессмысленными репрессиями, навешиванием ярлыков и объявлением врагами отдельных сегментов населения, раскулачиванием наиболее активной части крестьян с последующей их ссылкой в отдаленные регионы страны, экстрадицией целых народов, а затем уже после войны и дальше и вовсе уперлась в идеологию, заменив ею суть собственной внешней и внутренней политики.

* * *

Последние импульсы развитию Советского Союза были заданы в 1950-е годы научными достижениями, точнее, успехами страны в космической сфере. Революционным импульсом мог бы послужить и XX съезд КПСС, если бы его решения были наполнены смыслом последующими действиями Советской власти, стали бы предметом реального всенародного обсуждения, сподвигли бы общество к сплочению на новой, более понятной, трезвой и прагматической основе. А так, хоть съезд и произвел на основную массу людей колоссальное впечатление своими неожиданными тематикой и содержанием, но народу он запомнился немногим больше, чем театр одного актера – как минимум, казалось, что фундаментальный поворот в истории страны был задуман и осуществлялся волей одного человека. Возможно, и поэтому и в восприятии советским народом того действительно исторического события гораздо больше мифов, чем реальности. Было сделано многое, но сделанное несопоставимо с тем, что могло быть реализовано. Вряд ли партия взялась за масштабное саморазоблачение ради кратковременной «оттепели» и освобождения из тюрем и лагерей невинно осужденных. После смерти Сталина и «оттепель», и прекращение политических репрессий, и освобождение людей из застенков, и многое другое из подобной серии решений были бы просто логичными и ожидаемыми действиями. Съезд мог бы (и не решился) запустить механизмы сближения народа и власти, заложить реальные основы гражданского общества. В результате власть так и осталась на своих прежних позициях. Перефразируя слова, высеченные на стеле перед зданием Верховного Суда США в Вашингтоне «Верховный Суд прав не потому, что он прав, а потому, что он Верховный Суд» можно сказать: власть правит не потому, что она правит, а потому, что она власть. Спустя годы, не поняв этой элементарной мудрости, Политбюро ЦК КПСС под руководством М. С. Горбачева, руководствуясь более чем благими намерениями, привело

Революцию к завершению, а страну под названием «Советский Союз» – к катастрофе.

* * *

В 1961 году был зафиксирован момент высочайшего достижения Советской власти в виде полета в космос Юрия Гагарина. В том же году Коммунистической партией была принята программа построения коммунистического общества, которая могла бы быть еще одной попыткой где-то восстановить, где-то сохранить, а где-то и приумножить революционный настрой в обществе. Тем более, подобное уже было испытано и, более того, сработало в 1936 году принятием Конституции, которая со своими принципами «кто не работает, тот не есть» и «от каждого по его способности, каждому – по его труду» стала еще и инструментом пропаганды Советской власти. Партийная программа 1961 года объявила высшую цель – «построить коммунистическое общество, на знамени которого начертано: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». В полной мере воплотится лозунг партии: «Все во имя человека, для блага человека», и торжественно провозгласила: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»⁴⁹ (кстати, «благо человека» задолго до этого стало одним из самых употребляемых терминов как в программных документах КПСС, так и в речах ее руководителей всех уровней, что впоследствии стало неким раздражительным моментом для, скажем так, продвинутой части населения, так как по своей реализации недостаточно полно отвечало ожиданиям). Программа дала определение коммунизму: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»⁵⁰.

По-другому и попроще коммунизм обозначался словосочетанием «яркое будущее». Если отбросить пафос, то речь здесь идет об идеальном обществе, некоем подобии библейско-коранического рая, сказочных царств

⁴⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Цитируется по: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/136.htm.

⁵⁰ Там же.

с «молочными реками и кисельными берегами», городов Солнца, то есть о некоей наукоподобно оформленной мечте человечества. По большому счету, это – очень даже неплохая основа для идеологии. Можно смело записать в актив большевиков то, что они сумели убедить огромные массы в реальности и достижимости этой мечты и этого идеала. Но, как гласит народная мудрость, всему свое время. Да, большевики убедили людей, но с той поры, как они это сделали, прошло слишком много времени, сменились поколения, следовательно, убеждение Советского народа в непреходящем наступлении коммунистического рая нуждалось в подкреплении новыми и реальными делами.

Власти, какой бы умной и красивой она не выглядела, нельзя не недооценивать своих граждан, относиться к ним как к неразумной толпе, нуждающейся где-то в куске хлеба, где-то подсказках как жить, где-то и вовсе в ежедневных поучениях и инструкциях. Ведь либерализм и антилиберализм, коммунизм и антикоммунизм, радикальные, умеренные, левые и правые взгляды – это не причины и предметы межчеловеческих, межгрупповых и межгосударственных конфликтов, и не нечто сакральное, а всего лишь методы и способы, и не больше, чем средства достижения цели, сопоставимые с тем, как по одним дорогам лучше ездить на внедорожнике, по другим – на лимузине, по третьим – на велосипеде, а по четвертым – и вовсе на лошади. Любое из этих идеологических направлений можно выдавать за дорогу в рай, или за жупел и страшилую. Как, например, в свое время американцы объявили коммунизм худшим из бед, а коммунистов – исчадием ада, а советская пропаганда, соответственно, – капитализм и капиталистов. Представители каждого из названных движений, пропагандируя свои идеи, предлагают простые решения вроде того же построения коммунизма. А то, что для этого нужно будет перелезть через гору, переплыть реку и обойти море, как бы подразумевается, но не уточняется. Кстати, как не получился социализм в Советском Союзе (не упоминаю так называемые страны социалистического лагеря, так как они шли в определенном кильватере), так и капитализм не оправдал надежд во многих странах мира. Но социализм смог занять свою нишу в некоторых благополучных странах вполне эволюционным путем безо всяких революций и кровопролитий, и точно также капитализм вывел в лидеры мировой экономики абсолютно отстающие государства за пару-тройку десятков лет.

Беда Советской власти с советским социализмом заключалась не в том, что она взвалила на себя неподъемную ношу вроде строительства коммунизма (от идеи мировой революции она отказалась задолго до своего падения), которое ничем особенным не отличается по своей масштабности от создания идеального рынка и полной глобализации. Проблема была в том, что власть потеряла ориентиры в своих отношениях с собственным народом. Она просто отстала от общества в своем развитии, продолжая

разговаривать с ним на языке призывов и лозунгов, когда общество было способно, образно говоря, на философствование. Вот и разошлись их пути на определенном этапе. За анекдотичными высказываниями вроде «они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем» скрывались серьезные конфликтные начала, притом это нельзя называть *неявными договоренностями*, довольно часто применяемыми внутри властных структур стран со слабым гражданским обществом. Власть пыталась использовать коллективизм в социуме, который становился все больше индивидуалистическим. Да, коллективизм – это прекрасно, но человеку, кроме того, чтобы быть лишь «винтиком» в государственной машине и членом коллектива, хотелось быть еще и самим собой. Даже термином «патриотизм» обозначалась рефлексия (реакция) коллективизма в категориях «наши» – «не наши», а не любовь к Родине. Но то, что работало в малограмотной стране, не сработало в грамотной. Главной проблемой социализма стало противоречие между уровнем образования и коллективистским началом. Дело не в том, что дальнейшие достижения для Советского Союза стали невозможны по объективным причинам. Наоборот, с той вершины, о которой шла речь выше, и должны были открываться пути к новым, еще более значимым завоеваниям. Не хватило «мелочи» – власть оказалась недостаточно компетентной, чтобы оценить совершенно новые для нее обстоятельства. Возможно, она ее и не осознала. Новизна же ситуации заключалась в том, что одно достижение советского социализма оказалось впереди всех других – к тому времени уже образованное общество, прошедшее через множество самых различных испытаний, оказалось впереди власти по своему развитию. Власть пыталась руководить им старыми методами, а оно все меньше нуждалось в руководстве и требовало компетентных управленческих подходов. Пропаганда, построенная на изживших себя лозунгах, была для него открытой, не раз прочитанной книгой, и перестала иметь прежнего значения. Очень возможно, что советское общество нуждалось в новых импульсах в виде новых целей, а власть оказалась не готова предложить ей нечто существенное.

Власть это осознавала, но возможно, ей в силу собственной инерции было трудно разобраться в причинах отсутствия взаимопонимания между ней и обществом, суть которого впоследствии выразил Ю. В. Андропов на июньском пленуме ЦК КПСС 1983 года: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»⁵¹. Попытки ответить на новые вызовы времени не привели к серьезным успехам именно из-за нерациональных действий власти методом проб и ошибок,

⁵¹ Ю. В. Андропов // Холодная война. Великое противостояние. Цитируется по: <http://www.coldwar.ru/andropov/andropov3.php>.

и в определенной мере, ее убежденности в собственной непогрешимости. А она столкнулась с невиданной до тех пор для нее проблемой, неожиданно для себя обнаружив перед собой граждан другого – нового – качества, которым уже недостаточно было трудиться, выполняя директивы власти, им нужно было еще и *знать*.

Социализм по сути своей весьма жесткая идея, хотя и более чем соответствует социокультурному архетипу, то есть коллективистским началам в ментальности российского общества. Но это соответствие не означает, что сам по себе человек исключается из общей схемы как субъект, оставаясь в ней, как некий винтик, и винтик чуть ли ни в прямом смысле слова. Советский социализм так до конца не смог оценить человека, возмнив себя определенного рода распределителем и назначенцем благ, некой инстанцией над человеком, чуть ли ни на глаз определяющей, что ему нужно. По сути, превратив человека в собственность, он лишил его автономии, позволяя ему все, в том числе, свободу, например, печати или совести, но только в собственном понимании. А «человек звучит гордо». Думается, не только автор этого высказывания великий писатель Максим Горький сам не до конца осознавал глубину содержания и значения этих слов, но и вся советская власть за все годы своего существования так не сумела постичь их суть.

* * *

Социализм предполагает перманентное повышение уровня жизни, по терминологии тех времен, трудящихся, но чем выше уровень жизни, тем слабее связи между отдельными личностями. Те же ныне чуть ли не презируемые «хрущевки» в 1960-е годы избавили многие семьи от коммунальных квартир («на тридцать восемь комнаток всего одна уборная» – В. Высоцкий) с общими кухнями. Ведь коммунальные квартиры образовались не только в результате заселения в барские дома рабочих и крестьян и всевозможных «уплотнений». Они были еще результатом политики коллективизма, направленной на внедрение в сознание общества коллективистских идей, рассматривающих отдельного человека лишь частью коллектива и ничем больше. Известные дома под названием «Новый быт», где люди жили в казарменных условиях, были своего рода символами новой жизни, подражанием или продолжением идей социалистов-утопистов (Ш. Фурье) о создании «нового массового человека» через концепцию «фаланстера» – новой формы жилья, где люди смогли бы приучиться к коллективизму, освободившись от тяжести домашнего труда, семейных уз и соответствующих проблем, всего мелкого и частного (ГОП, то есть, государственное общежитие пролетариата, от которого пошло слово «гопник» – конечно, крайняя форма подобных жилищ).

Но и коллективизм, как, кстати, и индивидуализм, всего лишь этап в развитии человеческих сообществ (трудно сказать, какими формами коллективизма вплоть до охлократии, беспредельного индивидуализма с уходом в самого себя может «порадовать» нас информационное общество, будущее которого даже при всех нынешних технологических возможностях вряд ли можно предсказать хотя бы на один шаг вперед), вот и советские люди на определенном этапе постепенно, но как-то незаметно для родной Советской власти, переросли коллективизм.

Казалось бы, вот и хорошо. Значит, пришло время гражданского общества, как средства общения между властью и социумом, которое сможет дать новый импульс если не Революции, то взаимоотношениям и взаимопониманию общества с властью, открыв каналы для реального участия граждан в деятельности власти и их причастности к политике государства. Но гражданское общество в Советском Союзе не случилось, власть в лице КПСС продолжала проводить свои съезды с трансляцией на всю страну, народ вроде бы изображал интерес, а по сути, власть и народ уже шли разными дорогами. К тому времени от гибкости власти не осталось и следа, власть в интеллектуальном смысле все больше «костенела», все чаще скрываясь за теми же, теперь уже мало что значащими для большинства народа, старыми догмами, лозунгами и призывами. Она пыталась по-прежнему опекать всех и каждого, решая за граждан, как им жить, как строить и обустраивать свое жилье, какие книги читать, чем восхищаться и что любить. Может, для какой-то части населения подобная опека была приемлема, но людей, которых такое положение вещей не устраивало, становилось все больше. По сути, власть сама себе стала могильщиком. Поэтому и из программы КПСС 1961 года импульса не получилось. На этот раз, в отличие от вышеупомянутого 1936 года, как говорится, не сработало.

* * *

Трудно сказать, как воспринял советский народ вышеприведенные тезисы Программы КПСС и слова Н. С. Хрущева о том, что «Советский Союз фактически превратился во «всемирное государство», в котором *общую волю* (курсив мой. – И.Г.) воплощает в себе партия»⁵², и верил ли он сам в эти слова. Вряд ли Хрущев или кто-либо из его тогдашнего окружения знал, что «Ни одна из творческих интерпретаций *общей воли* (курсив мой. – И.Г.) в долгосрочном плане не оказалась жизнеспособной»⁵³, как не окажется и Советская власть, и не только из-за указанной тенденции. Она не выдержала испытание временем не в последнюю очередь из-за того, что, уже начиная с середины 1950-х годов, в глав-

⁵² Моррис И. Указ. соч. С. 224.

⁵³ Там же.

ном предмете гордости власти – ее единстве с народом – образовалась «трещина» в виде все большего преобладания непонимания. В 1950-е, даже еще в 1960-е годы можно было рассказывать советскому народу и о всенародности советского государства, и о партии, воплощающей *общую волю*, но уже с 1970-х годов подобные высказывания, из чьих бы уст ни звучали, все чаще вызвали недоверие, а иногда и снисходительную ухмылку. Дальнейшее движение Советской власти, если местами и продолжало быть восходящим, но инерции в нем становилось все больше – началось угасание Революции, переходящее в своеобразный излет: траектория ее движения сменила свой вектор на падение. Кому-то это было ясно без объяснений (таких было не так много, но они были), а кому-то понадобилось дожить до августа 1991 года, чтобы поверить в очевидное.

И все же надо отдать должное советским руководителям – они «стараний не оставляли». Еще одной попыткой задать новый импульс экономике Советского Союза (видимо, последней, так как перестройку 1980-х из-за неподготовленности и сумбужности методов реализации трудно считать попыткой) были реформы Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина 1965–1970 годов. Они были направлены на преобразование экономической системы страны посредством вывода на первый план рентабельности и прибыли, а если сказать точнее, введением в нее рыночных понятий «личный интерес» и «индивидуалистические начала» путем повышения экономической свободы, ликвидации органов территориального контроля хозяйств, снижения плановых показателей для уменьшения бюрократизации процесса производства, изменением политики цен и так далее⁵⁴.

Теперь уже не важно, по каким формальным причинам эти реформы были свернуты. Главное здесь в том, что советское руководство не морально, не физически и, судя по всему, не интеллектуально не было способно и готово на реализацию подобного масштаба проекта (как всего три десятилетия спустя на подобное оказалось способно коммунистическое руководство КНР).

В России не была доведена до конца ни одна реформа, и не была завершена ни одна революция. Но это не говорит о том, что по данной прецедентной логике не могла быть завершена и Октябрьская революция, последствия которой сравнимы разве что с результатами реформ Петра I. Но сравнимы, да не сопоставимы. Достижение Советским Союзом статуса мировой сверхдержавы (за неполные полвека, внутри которых послевоенная и послереволюционная разруха, гражданская война, Великая отечественная война, унесшая жизнь десятков миллионов людей и превратившая самую развитую в промышленном смысле часть страны

⁵⁴ Экономическая реформа Косыгина. Цитируется по: Отечество.ру (<http://www.ote4estvo.ru/sobytiya-xx/1837-ekonomicheskaya-reforma-kosygina.html>).

в развалины), задающей тон всем международным процессам – это результат Октябрьской революции. Его можно оценивать по-разному, с разных точек зрения и позиций, – но факт остается фактом.

* * *

В августе 1991 года Советская власть, а вместе с ней и Советский Союз и советский социализм потерпели крах именно в данной последовательности. Возможно, дело все в тех же *общей воле* и *воле всех*, между которыми Советской власти так и не удалось найти взаимосвязи. Ведь съезды проводились, чтобы выявить волю всех для ее дальнейшей трансформации в общую волю. Может, мы не знаем, а на самом деле, так случилось, что советские руководители выявили эту так называемую волю всех на радость духу Руссо. Но когда, наконец, выявили, она оказалась настолько для них неожиданной, то есть, настолько не соответствовала той общей воле, которую в их лице Советская власть олицетворяла, то ужаснулись. Да так, что в итоге уронили власть.

Кончилась Советская власть и вместе с ней сошла на нет Великая революция. Считается, что человек жив, пока его образ и деяния сохраняются хоть в чьей-то памяти. Тех, кто помнит непосредственно саму Революцию, уже нет среди нас. Но на всем постсоветском пространстве пока еще много людей, оставшимися в самом лучшем смысле слова «советскими», кто помнит ее импульсы, ее эйфорию, вызванными многочисленными достижениями. И значит, она жива.

В 2005 году на вопрос Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр)⁵⁵, «С каким из следующих мнений о том, что принесла Октябрьская революция народам России, вы бы скорее всего согласились?» 26 процентов респондентов ответили: «она открыла новую эру в истории народов России»; 31 процент – «она дала толчок их социальному и экономическому развитию»; 15 процентов – «она стала для них катастрофой».

Ответы на вопрос «Представьте себе, что октябрьская революция происходит на ваших глазах. Что бы вы стали делать?» распределились следующим образом:

	1990	1997	2004	2005
Активно поддержали бы большевиков	32	18	15	17
Кое в чем сотрудничали бы с большевиками	35	20	18	17

⁵⁵ Репрезентативный опрос был проведен 14–17 октября 2005 года среди 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны. Цитируется по: <http://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2>.

Постарались бы переждать это время, неучаствуя в событиях	18	33	26	28
Боролись бы против большевиков	5	8	8	7
Уехали бы за рубеж	8	19	15	14
Затруднились ответить	2	2	18	17

При проведении подобного опроса 2–6 марта 2017 года⁵⁶ на вопрос «... была ли революция неизбежной?», 48 процентов респондентов ответили утвердительно; столько же опрошенных сочли, что «Октябрьская революция сыграла положительную роль в российской истории»; и столько же – что «она нанесла серьезный урон русскому крестьянству»; 49 процентов – что «она нанесла серьезный урон русской культуре».

Конечно, опросы общественного мнения лишь подчеркивают определенные догадки, а в данном случае, ни один из ответов не может являться новостью для исследователей. Эти цифры показывают, что Октябрьская революция не так далека от нас, как кажется. Да и 100 лет – не тот срок, который бы позволил нам осмыслить как саму Революцию, так и ее последствия.

Список литературы

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–1997 // Социологические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997.
2. Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР. М., 1969.
3. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992.
4. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
5. Квон Се-Ын. Преобразование общества и новая парадигма научного знания. М., 1996.
6. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М., 1948.
7. Мигулин П.П. Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613–1913). М., 1913.
8. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо: Как изменяются человеческие ценности. М., 2017.
9. Оруэлл Дж. 1984. М.: 2013.
10. Проди П. История справедливости: от популяризма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.

⁵⁶ Опрос проведен 2–6 марта 2017 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны. Цитируется по: <http://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2>.

11. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Об общественном договоре. М., 2000.

12. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 1.

13. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.

14. Фурман Д. Революционные циклы России // Свободная мысль. 1994. № 1.

15. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961.

16. Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М., 2014.

17. Яковлев Н.Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930.